

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ФИЛОСОФИЙ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-71-76

УДК 101.1; 101.9

К ВОПРОСУ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ ФИЛОСОФА

Смирнов Сергей Алевтинович,

доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Scopus Author ID: 57195838149

ResearcherID: H-1575-2016

smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация

Представлен отзыв на статью Н.С. Розова «Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть “провинциализм” и “туземство”». Отмечается, что, несмотря на количественную концентрацию философов (как и всего остального: капиталов, информации, людей и проч.) в столичных городах, сама событийность в философии, т. е. собственно событийность авторской мысли, вовсе не детерминирована географическим местом обитания философствующего субъекта. Топос философа предлагается описывать не в категориях географии и социальных статусов, а в категориях И. Канта: философия может строиться по школьному понятию и по мировому понятию.

Ключевые слова: столичность, провинциализм, туземство, тоpos философа, сибирская философия.

Библиографическое описание для цитирования:

Смирнов С.А. К вопросу о самоопределении философа // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 71–76. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-71-76.

Я благодарен Николаю Сергеевичу Розову за столь провокативный вызов нашему философскому сообществу, даже если и считать его «туземным» и «провинциальным». Автор, совершающий подобное действие, сильно подставляется. Это вызывает уважение.

Что же, давайте попробуем всё же задать себе несколько вопросов относительно того, в какой ситуации находится философия в Сибири и как мы, живущие здесь, определяемся как философы.

Если мы претендуем на свой голос и свое место в философии, нам придется вспомнить, что философия есть мышление от первого лица о

предельных вопросах, мышление на границе мыслимого. Это занятие во все не преследует никаких меркантильных интересов и никак не связано с каким-то желанием улучшить свое социальное и материальное положение. При таком самоопределении философское мышление не может иметь ни географических, ни политических, ни административных границ.

Какая разница, по большому счету, где жил и мыслил М. Бахтин? В каком-то захолустном Невеле, затем в Витебске? Но «Философию поступка» потом все узнали, причем чудом. География тут была совсем ни при чем.

Какая разница, где жил и мыслил Л. Витгенштейн? Свой «Трактат» он написал фактически в окопах, в лагере для военнопленных. Он что, думал о столичности? После «Трактата», уйдя фактически в скит, в деревню, работая учителем, продолжал размышлять, невзирая на политические события и географию. Можно, оказывается, работать санитаром и писать свои «Философские исследования».

Спинозу звали в университет, приезжали к нему в его провинциальный городок Рейнсбург. Но он остался, продолжал точить свои линзы и писать трактаты.

Могут ли быть применимы категории *столичности* и *провинциальности* к феномену философствования? И почему для Николая Сергеевича Розова настолько значимо такое противопоставление? Ведь представления о «провинциализме» и «туземстве», взятое им у другого автора, рождается именно от главного критерия – якобы наличия некоей столичности в философии или науке. Это что, я, сидючи здесь и пытаясь нечто изваять, должен думать, как на это посмотрит некий Иван Иванович или Сидор Сидорович, сидящие в столицах?

В прошлом году мы с Ю.М. Резником (Институт философии РАН) провели экспертный опрос среди отечественных философов (работающих в разных городах!) на тему «Философия как институт. Отечественная философия: люди, система идей, институты и сообщества»¹. Вопросы, которые мы там обсуждали, больше касались проблем институционализации философии. Но в том числе коллеги так или иначе затрагивали и вопросы, связанные с географией, с жизнью разных философских групп в разных городах, в том числе касаясь и вопроса о применимости представлений о центре и периферии к философским сообществам. Применимо ли такое представление к опыту философствования? Фактически все отметили, что, несмотря на количественную концентрацию философов (как и всего остального: капиталов, информации, людей и проч.) в столичных городах, сама событийность в философии, т. е. собственно событий-

¹ Результаты опроса опубликованы в нашем журнале: Человек.RU. 2018. № 13. С. 179–212.

ность авторской мысли, вовсе никак не детерминирована географическим местом обитания.

Так же несущественно деление философии на центр и периферию и на Западе. Какая разница, где творил, попыхивая трубкой, М. Хайдеггер? В глуши Шварцвальда или в кабинете в германской столице? Нам же не это важно. Свой «Исток художественного творения» и свои «Неторные тропы» он написал, сидючи в лесу. Но сам феномен философствования, будучи однажды произведен, осуществлен, явлен миру, поэтому и центрирует на себе мир, создавая свой топос, точку авторского мышления.

Но всё это относится только к тому случаю, когда и если человек, претендующий на что-то в сфере философского опыта, пытается мыслить «от первого лица». Если он на это не претендует, а ориентируется на регалии, статусы, положения и звания, то он, разумеется, будет ориентироваться на столицу. Там сидят авторитеты, там они принимают решения о награждении и о признании.

Тогда возникает вопрос: а что, это единственный и главный критерий для нашего самоопределения – выяснение отношений со столицами? Но Николай Сергеевич и сам ведь признал, что провинциалов хватает и в столицах.

Теперь немного о судьбе нашей территории. Не буду увлекаться темой Сибири, хотя она важна с точки зрения регионального самоопределения. В 2010 г. мы с известным «миссионером» (кстати!) С.Б. Переслегиным провели в Новосибирске форсайт-игру «Сибирь: сценарии развития как макрорегиона». Участниками были молодые ребята, студенты, бизнесмены, всего человек пятьдесят. Базовым сценарием молодые как раз выбрали то, что Сибирь могла бы стать регионом-лабораторией, полигоном по выработке иных, прорывных сценариев развития.

Это напрямую не относится к философии. Но по факту элементы и качества полигона здесь уже были – со времен основания Академгородка. А вот здесь отношение к философии уже прямое. В 60–70 гг. в Академгородке интеллектуальная жизнь была ключом. Прежде всего потому, что здесь работали такие неумные люди, как М.А. Розов, И.С. Ладенко, И.С. Алексеев и др. И Г.П. Щедровицкий приезжал сюда, каждый год два по два, читая свои лекции и проводя семинары. В том числе и потому, что здесь работал его ученик и соратник И.С. Ладенко, а также его последователь И.С. Алексеев и его друг-оппонент М.А. Розов. Но не в качестве миссионера, а для того, чтобы здесь тоже забились мысли. Сюда в гости к В.В. Целищеву также приезжал и Я. Хинтиikka. Жил, гостил, проводил семинары. Но не в качестве миссионера, а потому, что нашел здесь умных собеседников.

И не было вообще вопроса относительно того, где здесь центр и где периферия. Проблема всегда состояла в другом. Последствия таких приездов были чреваты. Молодые люди, видя заманухи и конфетки, которые им показывали миссионеры, уезжали (не все!) в столицы и там пропадали.

Но сам Академгородок как большой проект пришел к завершению, и на повестке дня стоит вопрос о новом для него образе будущего. И здесь наш брат философ мог бы как следует поработать на благо мировой науки, становясь участником крупных проектов мирового уровня в больших междисциплинарных коллективах или в качестве методолога-консультанта по совместной выработке концепций и программ развития территории. Чем не вызов?

Поэтому топос философа я бы описывал не в категориях географии и социальных статусов, а в категориях, которые, например, применял И. Кант: философия может строиться по школьному понятию и по мировому понятию. Школьная философия – это кафедральная философия, которая может преподаваться, упаковываться в учебники и учебные курсы, здесь профессор беседует со студентом и «ставит» ему голову. Прежде всего речь здесь идет об истории философии, о знании текстов, о прохождении молодым Школы. И это важнейшее условие для любого философа (как и любого ученого).

Философия же по мировому понятию не преподается, не может быть упакована в учебники и несравнима по рангам и статусам. Здесь философы одинаково равны перед предельными вопросами. Профессор может (если может!) преподавать урок своему ученику. Он не может помыслить за него, но может показать пример и позвать за собой.

А потому мне не совсем понятен призыв Николая Сергеевича искать «способы и факторы прорыва к столичности». Или его предложение: «прямой личный контакт с признанными авторитетами в данной области», «участие в “столичных” дискуссиях, которое вызывает отклик и обращает “столичное” внимание к новым аргументам». И это является, по логике Николая Сергеевича, «условием продвижения к интеллектуальной “столичности”». Помилуйте! Это что, проблема для философа, для ученого?

Спросите у ученых ИЯФ, у них есть такая проблема? Они чувствуют себя «туземцами»? Они работают и всегда работали на мировом уровне. Потому что мировая наука экстерриториальна. Спросите об этом же у сотрудников ИВТ или Института катализа.

Да, конечно, когда-то сюда эту мировую науку *завезли*. И группа московских академиков основала здесь свои научные школы. Но это только подтверждает правило: мысль следует за человеком. И неважно, где он живет. Как раз здесь-то, в тайге, им легче дышалось.

Так что же мешает философам, живущим здесь, мыслить в категориях мировой философии? Думаю, лишь собственные личные препятствия и дефицит такой амбиции.

Сначала надо бы взять на себя непомерную амбицию (а она действительно непомерна и никак не связана ни с зарплатой, ни с социальными статусами) – начать мыслить от первого лица о предельных вопросах. А дальше сам прецедент такого действия выносит тебя в пространство мировой коммуникации, и ты себя проверяешь, выдержишь ты это испытание или нет. Или у тебя вместо этого желания скрытый замысел и ты сам себе показываешь фигу? Тогда твое действие сдувается в пустой свисток, пшик!

А потому в философии не может быть не только географических границ, но и исторических. Для тебя собеседниками выступают и те, кто физически ушел, и те, кто еще жив, и те, кто еще придет, те самые «провиденциальные собеседники» О. Мандельштама.

Чем шире рамка для мышления, тем больше шансов у философа (точнее у того, кто на это претендует) что-то сделать. Если же он будет сильно увлекаться темами, связанными с самоорганизацией, сообществами, рангами, статусами и регалиями, есть риск утонуть в групповщине и бесконечных оглядках.

Другое дело (и здесь я опять благодарен Николаю Сергеевичу просто за сам призыв) – нам не хватает «дружества». То есть дружественных кругов. У Бахтина был «круг Бахтина», М.А. Розов вёл многолетний семинар-квартирник, Г.П. Щедровицкий – свой ММК, который фактически стал экстерриториальным, сетевым. А В.В. Целищев общался и общается с коллегами из-за океана, находясь в одной интеллектуальной сети.

Возвращаясь к началу, вынужден заметить, что замечательный в своем пафосе призыв Н.С. Розова разобраться с самими собой в итоге оказался свернут, редуцирован к политически ангажированной версии: давайте дружить со столицами. Но при этом почему-то не рассматривалась ситуация в целом в мировой философии и ситуация самоопределения философа, которая так или иначе всегда встает перед ним.

Вот он, наедине с чистым листом бумаги, садится за стол и ...

Дальше тишина...

Я, конечно, говорил весьма банальные вещи, да простят меня коллеги. Но что может быть банальнее действия – когда человек идет и поливает каждый день сухое дерево в расчете на то, что оно однажды зацветет? Банально до слез...

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-71-76

ON SELF-DETERMINATION OF A PHILOSOPHER

Smirnov Sergey,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS,

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Scopus Author ID: 57195838149

ResearcherID: H-1575-2016

smirnoff1955@yandex.ru

Abstract

This is feedback on the article by N.S. Rozov “Siberian Philosophy in front of Intellectual Challenge: Overcoming ‘Provincialism’ and ‘Indigeneity’”. The author stresses the fact that despite the quantitative concentration of philosophers (as well as everything else – capital, information, people, etc.) in the metropolitan cities, the very event in philosophy, i.e. the actual eventuality of the author’s thought is not at all determined by the geographical habitat of the philosophizing subject. The author suggests describing the philosopher’s topos not in the categories of geography and social statuses, but in the categories of I. Kant: philosophy can be built according to the school concept and the world concept.

Keywords: metropolitan character, provincialism, indigeneity, philosopher’s topos, Siberian philosophy.

Bibliographic description for citation:

Smirnov S. On Self-Determination of a Philosopher. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 71–76. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-71-76.